

ТАЙНА БОБРУЙСКОЙ КРЕПОСТИ

Владимир САЛАСЮК

История – это, прежде всего деятельность преследующего
свои цели человека.

Карл МАРКС

сверхреалистический историко-приключенческий
детско-юношеский роман, написанный по рассказам и
запискам участников событий 1812 и 1962 годов

1. НАХОДКА В ПУСТОЙ КОМНАТЕ

(Бобруйск, 1961 год)

2. ИЕЗУИТСКИЙ ГЕНЕРАЛ (Бобруйск, 1810 год, знакомство)

3. «ТЫ ИЗ КИСЕЛЕЙ?» (Бобруйск 1961 год)

4. ИЕЗУИТСКИЙ ГЕНЕРАЛ (Узнавание,
Бобруйск 1810 год)

5. КРАДЕНАЯ ТУШЕНКА (Бобруйск, 1962 год)

6. ПОДЗЕМЕЛЬЕ, начало (Бобруйск 1810 год)

7. СОСЛУЖИВЦЫ

8. ПОХОД В МУЗЕЙ (Бобруйск, 1962 год)

9. «БОБРУЙСКАЯ ЖИЗНЬ» (1811 год)

10. ПЛАВИЛЬНЯ

11. ЗОЛОТО ПЛАВИЛЬНИ

12. НАПРАВЛЕНИЕ В АРМИЮ НАПОЛЕОНА, Бобруйск, 1812 год.

13. ЕВГЕНИЙ ФИЛИПОВИЧ и маршал Даву, 1812 год.

14. ДНЕВНИК КАПИТАНА интендантской службы императорской штаб-квартиры де ля РОЖЕ

15. УЖЕ С РАССВЕТОМ...

16. ДНЕВНИК КАПИТАНА де ля РОЖЕ

17. ПЕРЕПРАВА...

18. ДНЕВНИК КАПИТАНА ДЕ ЛЯ РОЖЕ

19. АЛЕКСАНДР ПЛАКАЛ

20. ВЕНЧАНИЕ В БОБРУЙСКЕ

21. ГОНЕЦ К БАГРАТИОНУ

22. ЖЕРОМ ЕСТЬ ЖЕРОМ

23. БАГРАТИОН ИДЕТ К БОБРУЙСКУ

24. ОРЛОВ И ЕВРЕЙСКИЙ СОВЕТ

25. ИЗВЕСТИЕ О СДАЧЕ МОСКВЫ

26. РАЗГРАБЛЕНИЕ МОСКВЫ

27. ОПАСНАЯ ПРОГУЛКА

28. В ТЕАТРЕ

29. НАПОЛЕОН И ИНЖЕНЕР - КАПИТАН

30. ДЕНИС ДАВЫДОВ, зима 1812

31. ДНЕВНИК КАПИТАНА ДЕ ЛЯ РОЖЕ

32. ИМПЕРАТОР ПОД ЛЯДАМИ

33. ТАЙНЫЙ ОБОЗ УХОДИТ

34. ШЕФСКИЙ КОНЦЕРТ, «В КЕПТАУНСКОМ ПОРТУ»

35. ТАЙНЫЙ ОБОЗ ПРОРЫВАЕТСЯ

36. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНИЦА МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА

37. НОЧНОЙ БОЙ И ПОГОНЯ

38. ШАГ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

1. НАХОДКА В ПУСТОЙ КОМНАТЕ

(Бобруйск, 1960 год.)

- Миша! Что за безобразие! Вчера только постирала рубашку, она опять грязная! И штаны порвал на коленках! И где только ты умудряешься вывозиться как поросенок?

- Мы в войнушку играли! Ползали в разведку, «языка» брали! – выражая огромную ответственность военного разведчика мимикой и голосом, отвечал матери десятилетний Мишка, при этом бегая глазами по кухонному столу, намереваясь что-либо ухватить пожевать и сейчас же опять вырваться на улицу.

- Почему вечно ты ползаешь в разведку, а мне стирать? Пусть бы хоть раз Сашка Лобода сползал.

- Сашка сегодня был фашистским «языком»! Мы его связали, а он сам идти не хотел, упирался и кричал, так мы ему кляп в рот засунули и тащили к своим, в штаб.

- А штаб опять там, в овраге, в грязюке этой?

- Нет, за сараями, где дрова новые сложили. Там так классно!

- О господи, не лазайте по тем дровам, а то еще придавит кого-нибудь!

Тут распахнулась дверь.

- Решено! Завтра переезжаем в Крепость! Вот ордер на квартиру! – С этими словами Мишин папа, офицер-автомобилист, переступил порог небольшой двухкомнатной квартирki в военном городке Киселевичи, где до сих пор проживала их семья.

-Ну, слава Богу, будем наконец-то жить в городе! – радостно отреагировала мама.

«В каком городе? Почему в городе? Ведь папа сказал «Крепость!» Мы будем жить в Крепости!» - подумал Мишка. То, что мама называла городом, он не любил. «Город» у него ассоциировался с поездками на рынок и в магазины, куда мама периодически таскала его с собой, если требовалось что-то купить для сына из одежды, обуви и, конечно же, продуктов. Толкотня очередей, духота магазинов, тряска по булыжной дороге в сверх всякой меры переполненном («нас здесь больше чем селедок в бочке», говорила мама) тесном автобусике, который весь скрипел, тархтел и подолгу стоял у почти всегда закрытого железнодорожного переезда, вызывали у Мишки ненависть к этому мерзкому автобусику, его водителю, железнодорожному переезду и самому городу.

Но самое главное, из-за чего в таких случаях страдала его мальчишеская душа -- это горькое сожаление о потерянном времени, которое можно так здорово провести в компании мальчишек, играя в войнушку, прятки, «свинчатку» на деньги или на щелбаны, а то вволю настреляться из рогатки по воробьям. Пренебрегая суровыми родительскими угрозами о смертной казни («Узнаю - убью!») или как минимум о серьезной порке, сбегать искупаться в карьер, где после грозových дождей и поднятия грунтовых вод образовались прекрасные зеленоватые озера с островками, словно специально предназначенные для подготовки к будущему мореплаванию и шикарному капитанскому будущему, в котором никто из пацанов для себя лично не сомневался. В конце концов, можно было сбегать на стрельбище, набрать отстрелянных пуль и выплавлять на костре свинец для мальчишеских хозяйственных нужд. Сходить на военное кладбище времен Великой Отечественной, побродить между солдатских могил и пофантазировать, какие героические подвиги совершили наши

солдаты, побеждая гадов - фашистов. Если же выдавались суббота или воскресенье – убежать в солдатский клуб и бесплатно посмотреть «киношку». Свешиваясь с забора, полюбоваться на полковое построение с оркестром, сбегать в яблоневый колхозный сад, поиграть в «пекаря» или, на худой конец, попрыгать в классики, скакалку.

Но все это, что наполняло жизнь нормального мальчишки смыслом, что давало пищу для ума, души и было естественной его потребностью, называемое общим словом «пойти погулять», приносилось в жертву пресловутой поездке в город. Вот за это и не любил Мишка город.

«Да и какой это город? Такие же деревянные дома, как у нас в Киселевичах, а то еще и хуже – у нас хоть двухэтажные есть, а там сплошные одноэтажки с заборами, только магазины каменные». Тема, что есть «настоящий город», не раз обсуждалась в обществе детворы, и оказывалось, что в солидной ребячьей публике за Бобруйском не признавался статус «настоящего» города. При этом выяснялось, что никто из них, в основном, детей военнослужащих, никакого более или менее большого города не видел вообще. Вокзалы видели, городов – нет. В пример достойных городов приводились Москва и Ленинград, где тоже никто не был, но чей авторитетный статус и не подлежал сомнению. Ставить же в один ряд с великими столицами Бобруйск и называть его городом казалось нелепым и унижительным для своего любимого военного городка Киселевичи.

Всякому мальчишке яснее ясного было, что самая лучшая жизнь – это в Киселевичах, и менять ее на какой-то никому в мире не известный Бобруйск как минимум нелепо, если не глупо. При этом все мальчишки знали, что в Бобруйске есть Крепость. И хотя в ней тоже никто из мальчишек не был, но авторитет Крепости,

(так сложилось исторически!) оказался непомерен и неколебим. Одно слово «Крепость» внушало благоговение и наполняло воинственные сердца мальчишек, которые от рождения видели вокруг себя солдат, офицеров и грозную боевую технику, смутными мечтами о подвигах, о доблестях, о славе, о сражениях и героизме...

- Так где же мы будем жить, в городе или Крепости? – с беспокойством, находясь на грани отчаяния, задал родителям прямой вопрос Мишка.

- В городе. Отстань, я собираю вещи, – сказала мама, уже закружившаяся в хлопотах.

- В Крепости. Жить будем в Крепости, – улыбнулся папа. – Просто Крепость – это часть города.

Мишка тотчас выбежал, чтоб сообщить дворовому обществу о завидной и даже неслыханно счастливой в его жизни перемене. Весь остаток дня и назавтра вплоть до отъезда, он оставался героем и центром вселенского внимания. Как, например, первый в мире летчик-космонавт Юрий Гагарин! Каждый мальчишка стремился чем-либо привлечь к себе Мишкино внимание. Кто-то предлагал стрельнуть из своей рогатки. Кто-то угощал испеченной в костре картошкой. Кто-то отдавал ему засушенную бабочку-капустницу, предлагал погладить котенка, дарил кусок смолы, большое гусиное перо, выплавленный из стреляных пуль кусок свинца и так далее.

Назавтра с утра у крыльца дома стоял грузовик. Четверо солдат вместе с папой в какие-то полчаса вынесли и загрузили все нехитрые пожитки Мишкиной семьи, и моторизованная кавалькада, состоящая из управляемого папой мотоцикла с коляской, в которой сидела мама, и грузовика с вещами, двинулась в путь. Сначала Мишку, который страстно желал ехать в кузове

грузовика, хотели запихнуть в кабину. Но он проявил недюжинные способности к убеждению, тараторя, что с ним ничего не случится, потому что он подобрал самое удобное и безопасное местечко в кузове среди вещевых узлов, что сами родители говорят, будто он уже достаточно взрослый и надо же ему хоть раз проехать в кузове машины – уже почти все мальчишки ездили, он один остался такой не ездивший, и если не разрешить, то все станут дразнить его «маменькиным сыночком» и никто не станет с ним дружить, к тому же в кузове едут солдаты, а это самая надежная в мире гарантия безопасности... Его захватывающей, эмоциональной речи мог бы позавидовать любой адвокат более позднего периода либерально-буржуазного издевательства над народом. Солдаты, проявив солидарность, дружно поддержали будущего воина, пообещав товарищу капитану, что присмотрят за мальчишкой в дороге. Первым сдался отец.

- Да пусть едет, ничего с ним не случится! – сказал он и ударил ногой по педали газа. Мотоцикл затарахтел.

- А если случится?! Вот ты всегда идешь у него на поводу! – мама была убеждена, что это мужской заговор, но, оставшись в одиночестве, на неподготовленных позициях, победно противостоять мужской дискриминации относительно ее мнения оказалась не в силах и умолкла. Мыслями она уже была на новом месте.

В этот раз поездка в город Мишку не угнетала. Наоборот, он чувствовал себя окрыленным, словно первооткрыватель. Стоит ли говорить, что все мальчишки двора собрались провожать друга. Они стояли кругом возле машины, пока сносили в нее вещи, с интересом наблюдая процесс погрузки, и, когда машина тронулась, побежали за ней следом, стараясь ухватиться за задний борт и прокатиться таким образом. Но борт военного грузовика

оказался слишком высок – удача никому не улыбнулась. Пробежав метров сто следом, они остановились и прощально замахали руками уезжающему в другой мир товарищу. Мишка махал им в ответ, но светлые, радостные чувства переполняли его: он первый раз в жизни, как взрослый, вместе с солдатами ехал в открытом кузове военного грузовика, а главное – он будет жить в Крепости!

Ехали по городу, объезжая многочисленные телеги с запряженными в них лошадьми. Мишка, кстати, не мог понять, почему телегу с лошадьё называют «подводой»? У него лично, как и у его друзей, это слово по произношению ассоциировалось с подводной лодкой...

Свернули налево, потом направо, съехали вниз, поднялись на горку, опять налево, долго ехали в горку – Мишка уже совершенно не понимал, где они находятся, и все время беспокойно думал: «Где же Крепость?» Наконец с правой стороны показались одноэтажные домики из красного кирпича. Дальше выплыл длиннющий двухэтажный бело-желтый дом, тут же, на углу, из-за высоких тополей неожиданно возник памятник Ленину. Гипсово-цементный Ильич правой рукой указывал вперед, прямо на Минскую улицу, рекомендуя, видимо, двигаться именно туда, но машина сразу за памятником свернула направо – в противоположную сторону. Здесь стояло еще одно очень большое, внушительное бело-желтое здание – столовая «Военторга» -- известное в Бобруйске по своему первоначальному предназначению «Белая церковь». И сразу за ней Мишка увидел множество двух - и одноэтажных домов из красного кирпича. Мишка беспокойно крутил головой по сторонам, машина тем временем свернула налево и остановилась перед крыльцом большого двухэтажного дома. Таких красных домов, как здесь, Мишка еще не видел. Но не дома занимали его мысли.

- Где же Крепость? – обеспокоено спросил он стоящего у машины папу. Тот засмеялся.

- Это и есть Крепость! Слезай, приехали!

Солдаты сразу попрыгали из кузова на землю. Разочарованию мальчишки не было предела. Разве это – Крепость?! Где высоченные, неприступные стены, на которых в старые времена стояли грозные пушки? Где рвы, наполненные водой, где бастионы, в которых скрываются отважные стрелки, где трупы врагов, кучами лежащие на подступах вокруг Крепости? Где это все?! Настроили каких-то домишек и говорят, что это Крепость... Позор, обман, куда мы попали... В Киселевичи, пока не разгрузили машину, надо срочно вернуться в Киселевичи!

- Миша, пошли знакомиться с квартирой, – позвал папа.

Михаил мрачно глянул на собравшихся поглазеть на приезжих жильцов местных мальчишек и девчонок, которые выстроились вокруг машины, точно как те, что провожали его в Киселевичихах. С угрюмым, даже горестным выражением лица человека, которого обманули в самых светлых, самых чистых его чувствах, помыслах и ожиданиях, Мишка молча слез -- нет, он не слез, это было бы для него, дворового новичка позором и поводом для насмешек. Он не слез, а молодецки спрыгнул на землю прямо с еще не откинутого борта машины и, словно бы не замечая никого вокруг, пошел за папой. Мама шла впереди всех. Едва Мишка ступил на крыльцо, как неожиданно для себя остановился: такого крыльца он не видел нигде. Каменное, на ширину двойной открывающейся двери, а по бокам крыльца мощные каменные ограждения. «Из-за такого можно здорово отстреливаться!» - вдруг подумал Мишка, и это соображение сразу заставило его по - другому посмотреть на новые жизненные реалии. То есть на дом, которому полтора года лет. Мишка словно воочию увидел, как из дома выскакивает наш,

русский солдат, пригнувшись, укрывается за бетонным ограждением крыльца и метко бьет из винтовки... нет, лучше из автомата, по врагу.

По причине, что у дома обнаружилось приличествующие достоинства, настроение мальчишки сразу улучшилось. Взявшись за ручку двери, он с удивлением отметил, что дверь высоченная и толстенная, как целое бревно. Потянул ее на себя – она не открывалась! Но ведь только что туда зашли мама с папой! С немалым усилием, понимая, что все собравшиеся мальчишки смотрят на него, Мишка, выражая лицом холодное презрение, дверь все-таки отворил, проскользнул внутрь и, отпустив дверную створку, получил такой удар в задницу, что отлетел на метр: только что перед их приездом работник КЭЧи поставил на дверь новую, очень жесткую пружину.

Отлетев, Мишка растерянно крутанул головой и успокоился тем, что никто не видел этой комичной сцены. Поднимаясь по ступенькам первого пролета, Мишка, задрвав голову, глазел по сторонам. Потолок над лестничным пролетом оказался высоченным – сразу до самого чердака. Но более всего поразила мальчика надпись на стене - поднимаешься по лестнице и сразу же ее видишь – огромные полуметровые ярко-красные буквы готического письма в две строчки четко проступали из-под побелки. Мишка уже хорошо знал этот шрифт – так писали немецкие фашисты. Он видел надпись таким шрифтом на немецкой танкетке, стоявшей на краю Киселевичей. «Дойчланд юбер аллес!» – «Германия превыше всего!» - было написано на ее борту. И потому, что таким шрифтом писали немцы, Мишка эти буквы ненавидел! Всего два лестничных пролета, но как это оказалось высоко, отметил Мишка, поднявшись на второй этаж и выглянув в

окно. В Киселевичах они тоже жили на втором этаже, но там все было поменьше размерами и дом пониже.

В это время родители вышли из высоких дверей. По выражению маминого лица он понял, что ей квартира понравилась.

- Вот, Мишка, - сказала она, опять открыв двери, из которых они только что вышли, – идешь прямо по коридору, вот эта дверь, прямо – наша квартира. Иди, – и сама поспешила за папой.

Мишка шагнул в коридор и на секунду остановился: таких огромных коридоров он на свете еще не видел. «Ого, - подумал Мишка, – здесь в футбол можно играть!» Пройдя по коридору, Мишка зашел в их новую квартиру. Собственно, это было продолжение коридора, но отгороженное стеной. Он прошел по пустым комнатам в три огромных окна. Удивляясь, рассмотрел невиданную толщину стен в оконных проемах и с удовлетворением подумал, что не только из винтовки, но и из пушки такие стены не прошибешь. Словно бы ему предстояло держать здесь оборону. Затем стал осматривать печку. Она была встроена в разделяющую комнаты стенку. Мишка открыл дверцу печки, потом поддувала и долго всматривался в глубокую темноту холодной и пустой печи, но там, к сожалению, никто ничего не забыл. Съезжавшие хозяева из аккуратности даже свою золу из печи убрали. А ведь так бывает, что кто-то спрячет какую-нибудь классную вещичку в такое местечко, где и не подумаешь искать, а потом забудет. Мальчишки в Киселевичах рассказывали, что некоторым счастливым так везло, что они деньги находили, пистолеты и даже золото. В том числе и в печках.

Со сдержанным вздохом разочарования Мишка закрыл дверки печи, поддувала и вдруг заметил между боковой стеной комнаты и печкой узкую щель -- такую узкую, что и внимание на неё не сразу обратишь. Кровь искателя сразу беспокойно заволновалась и

заиграла в идеально здоровой Мишкиной кровеносной системе. Он попробовал заглянуть в узкую щель между печью и стеной, изо всех сил прижавшись к стене левым боком головы – но ничего нельзя было разглядеть одним глазом в жуткой и таинственной темноте. К тому же левое ухо мешало вжаться в стену как следует. Мишка повернул голову макушкой перпендикулярно стене, но и тут не повезло. На этот раз мешал лоб. От расстройства Мишка попробовал сильнее надавить лбом на стенку, но та не поддавалась. Даже одним глазочком не заглянуть в неё!.. Огорчению не было предела.

«И какой дурак строит печи так близко от стены!?» - возмущенно думал Мишка, но вдруг сообразил, что рука-то должна пролезть туда, куда не удастся заглянуть! И Мишка просунул в узкое пространство между стенкой и печкой левую руку. Пощупал, пощупал – ничего.

«Не может быть, чтоб в таком потайном месте ничего не спрятано!» – азартно решил Мишка. И, упираясь ногами в пол, всего себя толкая в эту чертову щель, еще раз просунул левую руку между стенкой и печью так далеко, как и нельзя дальше, аж худым мальчишеским плечиком всунулся в простенок.

Он даже вспотел от старания втиснуться в узкую каменную щель. Ещё, ещё чуть-чуть, последнее усилие... Рука, казалось, даже сама стала чуть-чуть вытягиваться. И вдруг кончики пальцев нащупали какой-то металлический предмет. «Ухватить хоть ногтем... Какая-то железка. Кочерга, наверное», - думал Мишка, цепляя ее пальцами. Когда он вытащил на солнечный свет запечную находку, то оторопел от неожиданности: в его руках находился черный, сужающийся к окончанию, острый как шило, метровой длины клинок с такой же черной металлической рукояткой, отделенной от ствола поперечиной с кольцевым

кружочком с одной стороны. Золотого, серебряного или хотя бы костяного украшения на рукоятке оружия не имелось. Но металлические крепления, оставшиеся на рукоятке клинка, свидетельствовали, что они когда-то здесь находились.

У Мишки взволнованно колотилось сердце от неожиданно привалившего в виде неслыханной находки счастья. «Шпага, старинная шпага!», – не веря своему счастью, подумал мальчишка. Ничего подобного он не видел никогда. В это время в коридоре раздались веселые голоса солдат, тащивших диван и шкаф новоселов, и Мишка торопливо, но в то же время и осторожно поставил находку на место и, как ни в чем не бывало, повернулся лицом к двери.

2. ИЕЗУИТСКИЙ ГЕНЕРАЛ (Бобруйск, 1810 год)

Знакомство.

Прибыв в 1810 году в строящуюся Бобруйскую крепость, инженер-поручик Евгений Филипович сразу же получил конкретный участок деятельности: ему предстояло, согласно плану будущей Бобруйской крепости, только что Высочайше утвержденному, перестраивать бывший иезуитский костел, а также монастырь в арсенал и цейхгауз. Плана и вообще каких-либо чертежей монастыря в местном картографическом депо не имелось. Поручик, ведавший данной службой, на вопросы Филиповича только пожал плечами:

- Настоятель костела и монахи – все изрядно престарелые люди. Мало того, что они не только русского языка не понимают, так еще почти все полуслепые и полуглухие, что не удивительно.

- Как же так, все сразу – полуслепые и полуглухие? С чего бы это? – удивился Филипович.

- Вполне объяснимо, господин инженер. Вечно сидят в своих кельях, подвалах – сумерки, темень, свечи жгут, над книгами корпят. На свежем воздухе почти не бывают, солнечного света избегают.

- В библиотеке монастыря спрашивали план?

- А как же – спрашивали, да только монахи руками разводят: мол, знать не знаем, где тот план и был ли он вообще. Мол, давно все строилось. Мы принялись, было, сами искать в библиотеке, по кельям да по разным ихним каморкам – обиделись, пошли жаловаться к начальнику строительства, да в Санкт-Петербург отправили жалобу. Оттуда распоряжение – не обижать старцев. Так мы и остались ни с чем. Придется вам самому, господин инженер, составлять план костела и монастыря.

Поручик Филипович с минуту молча смотрел на немолодого картографа, соображая, что же ему в данной ситуации предпринять, затем развернулся и ушел. «В любом случае необходимо самому обойти все помещения костела и монастыря, – думал инженер. – Заодно набросаю план. Но и иезуитов надо посильнее прижать – должны быть у них все планы города и Крепости, не будь они иезуитами».

Найдя настоятеля костела, поручик Филипович заговорил с ним по-польски, что вызвало у пожилого человека самую живую реакцию.

- Разрешите представиться, инженер-поручик Филипович.

- Как приятно, пан поручик, видеть своего человека, хоть и в форме русского офицера, – заговорил старенький священник. – Скажите, я могу говорить откровенно с вами, как католик с католиком?

- Вполне, святой отец. Меня как инженера интересует план костела и монастыря. В том числе схемы возможных подземных коммуникаций.

- О, русские хотят строить здесь свою Крепость. Но они не должны, не имеют права касаться костела! Зачем вы им служите, пан офицер?

- Я бы с неменьшей охотой служил польскому королю, но где он, тот король? - пожал инженер плечами.

- Да, тяжелые, горькие времена... Только костел хранит и, увидите, сохранит польскость, и Великая Польша возродится...

- Конечно, какие сомнения? - добродушно улыбаясь, ответил офицер. - Но сегодня необходимо строить Крепость. Где план костела?

Ксендз молча, неотрывно смотрел на военного инженера. Потом неожиданно встал, быстро прошел через комнату по диагонали и скрылся в маленьком низком проеме, дверь за ним сразу же закрылась. Офицер негромко выругался: «Пся крэв! Надо работать, а они мне тут сцены устраивают!»

За его спиной кто-то негромко и добродушно рассмеялся. Офицер обернулся. Дверь, через которую он вошел, была открыта, и на пороге стоял весьма пожилой, очень худой, стройный, с прямой спиной, с ясным острым взором монах - иезуит.

- Вы, господин офицер, и есть Яуген Филипович? – мягким доброжелательным голосом произнес монах.

- Так точно. Я – он самый и есть! – ответил инженер, уважительно поклонившись незнакомцу. Монах зашел в помещение, плотно притворив за собой дверь.- С кем имею честь?

- Вы работали в группе гидрографа Эйтельвейна?- вопросом на вопрос ответил вошедший.

Инженер-поручик удивленно приподнял бровь.

- Так точно. Мы осуществляли гидротехнические работы на Немане.

- А узнаете ли вы этот почерк? – сказал иезуит, протягивая офицеру исписанный листок бумаги. Поручик взял листок, присел к столу, на котором стоял подсвечник с зажженными свечами.

«Дорогой мой друг, мой крестный сын Яуген! Пишу тебе и заклинаю...»

Пробежал глазами поручик первые строки письма.

- Это почерк пана Бронислава Синкутя, гераненского шляхтича из-под Лиды. Откуда у вас его письмо? – с безмерным удивлением спросил офицер.

- Я получил его на днях от своего друга юности Бронюся, известного и вам, пан поручик, с раннего вашего детства как крестного.

- Да, известного мне с детства. Пан Бронислав был и остается мне вторым отцом!

- А ваш родной отец, Станислав Филипович, для нас обоих – меня и пана Бронюся – был лучшим другом детства, а также студенческой и ратной юности. Втроем вместе мы учились в Виленском лицее юриспруденции и богословия. Вместе поступили в уланский полк и отправились на войну. А потом наши дороги разошлись. Но никогда мы не забывали друг друга и обменивались посланиями. Когда нам здесь, в Бобруйске, стало известно, что сюда направлен на службу военный инженер поручик Филипович, я подумал, а не наш ли это Яуген, и сразу написал Брониславу в Геранены. Но вы читайте дальше.

С изумлением глядевший на монаха офицер продолжил чтение письма, бормоча слова вслух:

«Заклинаю тебя, мой дорогой: верь подателю этого письма – он, Томаш Томашевич, наш с твоим отцом самый сердечный друг

от раннего детства! Он – генерал ордена иезуитов Великого Княжества Литовского! Заклинаю же тебя светлой памятью отца твоего, делай все, о чем он тебя попросит, ибо все это делается на благо Костела, возрождения Польши и, что наиважнейшее, светлое возрождение Великого Княжества Литовского! Помни, родной Яуген, что ты католик и что земля, на которой ты родился, достойна того, чтоб ради нее перешагнуть присягу российскому императору! Родина святее матери! Обнимаю тебя и вижу в твоём облике белого рыцаря свободы для милой нашей Литвы! Твой Бронислав Синкуть».

Евгений молча сидел, опустив голову. Слова, написанные не чужим человеком, крестным отцом, (а ближе родственника у Евгения на свете не оставалось никого!) болью и смятением откликнулись в сердце молодого офицера. То, о чем говорил в письме крестный, означало, по сути, требование измены. Раньше крестный никогда не обращался к нему со столь категоричными словами. Да, они не раз беседовали об истории Великого Княжества Литовского, о непростых отношениях в историческом прошлом между Литвой и Россией, да и только. Мало того, когда Евгениюш выразил намерение обучиться на военного инженера, крестный сам помогал ему в устройстве этого дела, поощрял, поддерживал в период учебы, гордился им, хвалился перед соседями и всячески напоминал молодому человеку, что отец, будь он жив, гордился бы таким замечательным сыном. И вдруг такое. Он офицер, шляхтич, и требовать от него стать изменником крестный, сам также человек чести, никак не мог. А тут как обухом по голове: присяга или Родина... Но его малая родина, бывшее Великое Княжество Литовское, всегда в его сознании считалось неразделимым с Российской империей и русским царем. И хоть монах - иезуит не видел его лица, но он точно знал –

молодой офицер сдерживается изо всех сил, чтоб не выдать своих переживаний...

Наконец он пересилил свои чувства, поднял голову, встал и, наклонившись, поцеловал руку монаху. Тот его перекрестил привычным движением.

- Приказывайте, пан генерал. Сделаю посильное из того, что велите, – негромким, но твердым голосом произнес поручик, – но я, шляхтич, изменять присяге пока не научен.

- Правильно, сыне. Изменять присяге стыдно и бесчестно. Я такого от тебя никогда и не потребую, – сказал иезуит. - И делать сейчас ничего не надо. Ты же только сегодня приехал, еще и угла себе не определил, а сразу за службу взялся. Старательный, в отца. Ступай, устройся вот по этому адресу, – подал ему узкую записочку. – Помойся в бане. Русские солдаты как пришли, первым делом выстроили парную баню. Каждую субботу моются и парятся докрасна, как раки, а потом выскакивают из бани и прыгают в Березину с громким хохотом. Наши литвины и местные евреи первое время ходили смотреть на эту картину. Офицеры и нас любезно пригласили помыться. Я сходил из любопытства. Попарился. Очень гигиеническая процедура.

- Я знаю, – ответил, улыбаясь, молодой поручик.

- Вот и хорошо, – продолжил иезуит. - А завтра приходи.

3. ТЫ ИЗ «КИСЕЛЕЙ»?

(Бобруйск 1961 год)

- Так ты из «Киселей» приперся? – мальчишка чуть повыше Мишки ростом сказал это с такой долей высокомерия и презрения, что Мишка сразу понял: его могут побить. Повод ищут. Вообще-то бить новичков просто так, без серьезных причин – нечестно. У них, в Киселевичах, во всяком случае, именно в их дворе сразу

новичков не били. Но потом, если он оказывался жадиной, ябедой или трусом, тогда колотили непременно. В сложившейся ситуации Мишка сразу решил: кто его ударит первым, тому придется врезать по полной... И морально уже приготовился.

- Не из «Киселей», а из военного городка Киселевичи.

- Знаем мы твои Киселевичи, – не меняя тона, процедил тот, что повыше. – Ни одного каменного дома. Одни деревянные халупы. У нас сараи и то лучше.

Все засмеялись. Мишка не знал, что и ответить на этот весомый аргумент. Да, таких мощных кирпичных домов, которые он увидел здесь, в Крепости, в Киселевичах не было ни одного. И в домах они действительно жили деревянных. И в уборную, и за водой приходилось ходить на улицу. А здесь, он успел заметить, квартиры в мощных, кирпичных домов располагали всеми этими удобствами цивилизации.

- Зато в Киселевичах стоит танковая дивизия! – вдруг нашел что ответить Мишка. – Это триста шестьдесят танков! Плюс пехотный полк, полк зениток и полк артиллерии! Они как дадут из пушек по вашей Крепости! От нее останутся рожки да ножки! – И засмеялся.

Он полагал, что и все засмеются на ловко найденные им аргументы в пользу Киселевичей. Но все как-то отчужденно молчали и строго смотрели на новичка. И тогда Мишка понял, что приведенный им аргумент в пользу Киселевичей, его прежнего места жительства, оказался очень весом против Крепости, его нового места обитания.. А так новичкам высказываться не следовало бы, тем более в день приезда.

Тот, что повыше, резко саданул Мишку кулаком в живот. Острым взглядом физкультурника, три года прозанимавшегося в кружке спортивной гимнастики, Мишка

уловил самое начало движения руки агрессора и, уже инстинктивно чувствуя направление удара, слегка напряг пресс живота. Удар был достаточно сильным, но не настолько, чтоб пробить брюшной пресс гимнаста, способного 25 раз подтянуться на перекладине, 12 раз делающего подъем переворотом и из положения виса способного тридцать раз коснуться кончиками носков самой перекладины.

Все ждали, что после удара новичок согнется пополам, схватится за живот, застонет и они посмеются над наказанным хвастунишкой. Но новичок стоял спокойно и невозмутимо. Он даже снисходительно улыбался и был готов ко второму удару, чтобы сразу под руку ударить противника в нос. Но ударивший растерянно стоял, не понимая происходящего.

- У него на пузе книга под рубашкой, – вдруг сказал мальчишка в свое оправдание.

- Идиот, – презрительно ответил Мишка. – Это пресс.

- А ну, покажи, – заинтересовались из толпы.

Ситцевые трусы, майка или легкая тенниска да рублевые сандалии были в то время обычной летней одеждой всякого подрастающего бобруйчанина, не вышедшего возрастом из четвертого-пятого класса. Мишка молча задрал майку на пузе. Мышцы его живота своей рельефностью походили на стиральную доску. Мальчишки уважительно молчали.

- Вот это да! – восхищенно произнесла остроглазая, вся в чернявых кудряшках девчонка. – Можно потрогать? – и не дожидаясь разрешения, провела мягкой ладошкой по напряженным мышцам пресса мальчишки. После чего обернулась к тому, кто новичка ударил и, усмехнувшись, сказала. – А у тебя, Михед, какой пресс?

- Посмотрим,- сказал Мишка и без всякого размаха, врезал под дых Михеду. Тот «хэкнул» от боли и перегнулся напололам, поджав руки к животу.

- Как мамина подушка, – изрекла девчонка в кудряшках, и все рассмеялись, а мальчишки стали пожимать Мишке руку.

Так состоялось знакомство.

- Расскажи нам про свои Киселевичи, – сказала кудрявая черноглазка по имени Лариска. - А потом мы тебе покажем нашу Крепость – ахнешь!

Так началась Мишкина «крепостная» жизнь, наполненная потрясающими событиями, необычайными приключениями и новыми друзьями.

... Минул год.

4. ИЕЗУИТСКИЙ ГЕНЕРАЛ. УЗНАВАНИЕ.

(Бобруйск, 1810 год)

Наутро инженер-поручик Филипович опять пришел в костел. Настоятель тотчас провел его в монастырь к генералу ордена Томашу Томашевичу. Вернее, довел до тяжелой, дубовой, обитой медью двери, вежливо поклонился офицеру и, ни слова не говоря, ушел. Поручик взялся за узкую и чрезмерно изящную для такой мощной двери ручку, потянул на себя. Дверь легко открылась, и поручик, шагнув за порог, словно очутился в другом, совсем не связанном с монастырем, костелом, будущей Крепостью и военными приготовлениями мире.

Он попал как бы в картинную галерею, в ярко освещенный летним солнцем небольшой коридор, увешанный по обе стороны картинами чудесной работы в золотых багетах. По одну сторону – первые лица «Общества Иисуса», начиная от его основателя

Игнатия Лойолы. По другую – первые лица Великого Княжества Литовского и короли Речи Посполитой, которые активно поддерживали иезуитов. В конце коридора дополнительно освещенный горящими свечами на маленьком алтаре перед картиной – ростовой портрет короля Стефана Батория. Инженер-поручик медленно, останавливаясь возле каждого портрета, прошел до изображения венгерского князя, ставшего польским королем.

- Сей великий деятель Речи Посполитой, как ты знаешь, не только охладил пыл наших врагов на Западе и сбил спесь с Ивана Грозного, но чрезмерно способствовал укреплению «Общества Иисуса» на всех землях королевства – от моря до моря, – произнес, стоя в боковом дверном проеме, генерал ордена Томашевич.

Поручик Филипович живо обернулся в сторону иезуита при первых же звуках его голоса. Лик старца в белых одеждах был одухотворен возвышенными чувствами, при этом чрезвычайно доброжелателен и немного грустен. Доброжелателен по отношению к юному офицеру, сыну своего старинного товарища. Возвышенность чувств его вызывалась великой, гордой и грозной историей прошлых веков Родины, а грусть следовала из осознания нынешней униженности и зависимости родного Отечества. Поручик живо понял созвучие душевных струн старого человека – его молодое горячее сердце патриота чувствовало так же.

- Сей многомудрый король с премногим усердием укреплял в наших славянских землях католичество, веру Христову, папство, понимая иезуитство как боевой отряд стойких, надежных борцов с безбожием, могущим противостоять не только торгашескому протестантизму, но, как показали события наших лет, объединить

народы Европы против богомерзкой революции, залившей кровью Францию.

Но нынешняя реальность состоит в том, что антихрист Наполеон, как именуют его наши православные братья, недалек от границ российских, и по обе стороны границ монархи готовятся к войне. И вот, пожалуйста, уже для укрепления боеспособности русской армии требуется уничтожить костел и резиденцию иезуитов, построенные почти двести лет назад. По странному стечению обстоятельств, для их уничтожения назначены католики инженер-поручик Нарбут и его однокашник по военному училищу инженер-поручик Филипович. Помимо этого, именно Нарбут, преисполненный служебного рвения, предложил русскому командованию строить Крепость непременно здесь, в Бобруйске, хотя мог предложить и Речицу.

Иезуит на минуту замолчал, переводя дыхание, но продолжая смотреть на молодого офицера, который чувствовал себя как бы пристыженным последними словами человека почтенного возраста. Тем не менее он стал возражать старцу, воспользовавшись паузой.

- Но, пане генерале, месторасположение Бобруйска действительно более выгодно в военном отношении для строительства Крепости. Во-первых, Крепость будет стоять на дороге с запада на восток и в то же время станет закрывать собой юг России – Малороссию. Если бы вражеские войска двинулись на юг, у них с фланга или с тыла неизменно станет нависать угрозой Бобруйская крепость. Ее усиленный гарнизон, ее орудия всегда будут беспокоить противника и сковывать его действия. Нарбут замечательный инженер! – на эмоциональном подъеме закончил свою реплику поручик Филипович.

Иезуитский генерал внимательно слушал поручика, глядя ему в лицо, и на последних словах улыбнулся доброй отеческой улыбкой человека, словно бы довольного тем, что его питомец послушен, дисциплинирован и последователен в выполнении учений и наказов старших людей.

- Это очень хорошо, сыне мой, что Нарбут и ты, Евгениуш, досканало изучили науки, знание которых требуется для овладения профессией военного инженера. Ваш с Нарбутом пример, как и примеры старания молодежи в познании наук, которым их мы обучаем в нашей иезуитской школе, очередной раз убеждает меня в даровитости и целеустремленности католического юношества. Но во всех случаях важен вопрос – целеустремленности к чему? Воспитанники школ и коллегиумов «Общества Иисуса» овладевают знаниями для цементированья папского престола путем неустанной работы и проповеди постулатов католической церкви среди неграмотных или заблуждающихся людей. Они жизнь свою посвящают вечному триумфу католичества. А вы, молодые офицеры – католики, вы к чему устремлены? По большому счету ваше целеустремление не что иное, как укрепление российской монархии и, следовательно, православия на землях Великого Княжества Литовского и всей Речи Посполитой! Не так ли, сыне мой?

- Но, отец мой! Мы, офицеры-католики, литвины, ни в чем не имели ущерба по службе, равно как дворяне из немецких и французских земель, перешедшие в русскую службу. Мы равны со всеми, и только храбрость и старания выделяют офицера из общего ряда.

Улыбка иезуита из доброй и отеческой при этих словах юноши стала горькой полуулыбкой человека разочарованного в том, что его не понимают.

- Вы настолько «равны», что у вас можно отобрать Родину, её язык, её культуру, историю, традиции, обычаи, а вы этого не замечаете или не понимаете? – с горечью спросил генерал Томашевич. – Ваши предки в молодые годы под хоругвями Великого Княжества Литовского рука об руку с польскими воинами разгромили могучий орден крестоносцев под Грюнвальдом. Ваши предки под хоругвями Великого Княжества Литовского и под знаменем Яна Собесского разбили неисчислимые турецкие полчища под Веной и тем спасли Европу! А вы, нынешние шляхтичи Великого Княжества Литовского, где ваш Грюнвальд?! Почему над вами не реет славное бел-червоно-белое знамя?! Почему не герб «Погоня» гордо красуется на ваших киверах, а двуглавый российский орел? Вы забыли, кто вы есть? Вы отреклись от нас, ваших отцов?

- Но мы противостоим тирану, отрицающему нашу религию, Бога, узурпировавшего власть свою над Европой. Сегодня мы – солдаты свободы. Мы будем с ним воевать за веру, за нашу Литву, за вольность, - возразил инженер.

- Все это так! Я со всем, что ты говоришь, согласен – то все правда, что ты говоришь, сыне! Есть одно маленькое «но». Лишь тогда то, о чем ты говоришь, было бы всей правдой, если бы над твоей головой развевался в черед полковых и российских знамен флаг Великого Княжества Литовского как знак, как символ государства нашего! А его нет! Нет! И никто в Петербурге не собирается его возрождать! Понимаешь ли ты это? Ни в Петербурге, ни в Париже никто о нас не думает и о нас не радеет. Призвать нас под свои знамена готов всякий. Храбрые воины земли нашей требуются на Востоке и на Западе. И на чьей бы стороне мы ни воевали – мы останемся в проигрыше! Нам, литвинам, самим надо думать о своём Княжестве Литовском –

нашей Литве. Нам самим необходимо напрягать свои силы на возрождение Родины нашей! Нам нужна своя армия, свое правительство, свое государство! Понимаешь ли ты меня, сыне?! Слышишь ли ты меня?! Согласен ли ты со мной, мой мальчик?

- Согласен, отец. Слышу вас, но не понимаю, как все это, о чем вы говорили, сделать?

Иезуит удовлетворенно вздохнул. Молодой офицер, вчера еще твердый приверженец российской военщины и русского духа, кажется, изрядно пошатнулся в своих прежних убеждениях. Трещина сомнений уже возникла в его душе, и эта трещина скоро расколет прежний фундамент убеждений и взглядов, на которых базировалась его преданность и рвение в службе российскому императору.

- Говорить, объяснять планы наших действий я мог бы тебе долго, дорогой Евгениуш! К тому же у нас есть очень серьезный аргумент, который в состоянии любые планы наполнить реальным смыслом. Предъявить тебе этот аргумент я бы мог и сегодня, но, наверное, правильнее будет подождать, когда ты получишь ответ на свое письмо от пана Бронислава Синкутя – ведь ты же отправил вчера ему письмо, в котором рассказал о нашем знакомстве и просил подтвердить или опровергнуть мои слова о дружбе с твоим отцом. Ведь ты же отправил такое письмо? – строго, но с легкой иронией сказал иезуит, глядя, как краснеет лицо молодого офицера.

- Нет, Евгениуш, я этого письма не читал. Я только попросил хозяина твоего дома сообщить, будешь ли ты писать письмо, когда вернешься из костела. Ты его написал и отнес на свою военную почту. Не смущайся, сыне, ты правильно сделал, что подверг сомнению слова незнакомого человека. Если бы ты так не поступил, скажу честно, я бы тебе меньше доверял. А теперь вижу,

что тебе свойственны осторожность и предусмотрительность. Замечательные качества. Но знаешь, Евгениуш, ты лучше сам съезди к пану Брониславу. Так будет гораздо вернее как для тебя, так и для всего нашего дела. Дела серьезного настолько, что в почтовых посланиях, если мы о нем и говорим, то лишь при использовании специального шифра. Поезжай, друг мой. Хозяин твой обеспечит тебя хорошими лошадьми – за два-три дня доедешь. А письмо свое забери с почты. Скажи – зачем письмо, если сам еду к названному отцу.

- Отпустят ли меня?

- Скажи, что как начнется интенсивная работа, тогда и некогда будет отлучиться. И скажи, что пан Бронюсь собрал для тебя денег и что по возвращении вы навестите шинок пана Орлова – это местный еврей-торговец, фабрикант, финансист. Вообще расторопный и богатый делец. Шинок у него хорош. Отпустят. Но на самом деле денег у Бронюся не бери. Вот тебе, сыне, от меня лично, – с этими словами иезуит протянул офицеру тяжеловатый кожаный кошелек. – Тут на дорогу, на шинок и на личные нужды.

Офицер с некоторым сомнением стоял, не спеша протягивать руку за кошелек. Иезуит широко, доброжелательно, с отеческой лаской, понимающе улыбался, глядя в лицо молодого человека, а затем, решительным движением левой руки взял его правую, вложил в его ладонь замшевый кошелек и накрыл своей правой рукой.

- Возьми, пожалуйста, Евгениуш. По-отцовски даю, а не как иезуит. У меня на свете нет более близких людей, чем ты и друг Бронюсь. Поезжай. А вернешься, мы продолжим нашу беседу.

С этими словами монах перекрестил офицера. Инженер с благодарностью поцеловал сухую, жилистую руку иезуитского

генерала, повернулся и зашагал к выходу. У двери, уже взявшись за ручку, обернулся.

- Но меня спросят о плане костела и резиденции иезуитов, – с беспокойством сказал инженер-поручик.

- Скажи, что эти чертовы иезуиты обещали перерыть всю свою идиотскую библиотеку, но найти этот трижды проклятый план, – улыбаясь, ответил старый иезуит.

Инженер тоже улыбнулся в ответ, ему стало как-то легко, весело, как это бывает у молодых людей перед балом, пирушкой или другим легким и веселым приключением. Такое приятное взаимопонимание, как почувствовал поручик, установилось между ними.

Через десять дней инженер-поручик вернулся к месту службы в Бобруйск. Из имения дядьки Бронислава Синкутя он словно на крыльях летел. В долгих беседах о временах минувших, о днях своей молодости пан Бронюсь порассказал молодому офицеру о нынешнем иезуитском генерале, а в прежние, славные, беспокойные годы -- знаменитом повесе, страстном поклоннике всех прелестных женщин, лихом, отчаянном сабельном рубакае и, как ни странно, при этом чрезвычайно старательном, увлеченном книгами студенте Виленского университета, наделенном феноменальной памятью, природными способностями к наукам, готовым неделями не выходить из библиотеки. Именно страсть к знаниям да внушенная от рождения преданность католицизму и привели его в конце концов в «Общество Иисуса».

- И теперь наш пан Томашевич, - генерал ордена иезуитов Великого Княжества Литовского, – с гордостью говорил пан Синкуть. – И даже более того, – при этих словах пан Бронюсь многозначительно поднимал вверх указательный палец правой руки.

- Что значит «более того»? Что? – разогретый вином, рассказами о романтическом времени и с обострившимся любопытством спрашивал молодой поручик своего крестного отца.

- О! Это невероятно и непостижимо! – еще более загадочно отвечал пан Синкуть. – То никому не дано знать вплоть до главного сигнала на все Великое Княжество Литовское! Вот тогда все откроется!.. Вот тогда такое начнется! – и Бронислав Синкуть эмоционально вздымал вверх ладони с растопыренными пальцами. Но ни одного конкретного слова о том, что значит «более того» и «такое начнется», он своему крестному так и не сказал. А перед отъездом поручика, уже будучи совершенно трезвым, произнес коротко:

- Верь нашему Томашу как Богу. Никому другому так не верь, а ему – всем сердцем. И служи ему как сын. Станем один за одного держаться, и сладится все по-нашему. То будет славное время!

Уставший от намеков, бурных, эмоциональных фраз и восклицаний любимого им с детства крестного отца, поручик и трезвых слов его, опять же наполненных тайной, всерьез уже не воспринимал. Но интерес к генералу иезуитов у молодого офицера значительно возрос. Разносторонность его личности еще больше придала фигуре генерала-иезуита значимости и загадочности. Вернувшись в Бобруйск и доложив о том начальству, поручик тотчас отправился к Томашевичу с письмом от крестного.

На вопрос об отце Томашевиче молчаливый монах повел его коридорами, затем они прошли уже знакомой поручику портретной галереей и остановились возле двери, из которой прошлый раз вышел к нему генерал ордена. С поклоном указав на дверь, монах тихо исчез. Постучав, поручик решительным движением открыл дверь и оказался в достаточно большой библиотеке, очень плотно уставленной высокими, до самого потолка, стеллажами с книгами.

- Вы явились за чертежным планом, господин офицер? – услышал поручик из-за стеллажа доброжелательный и даже веселый голос старого иезуита, который уже выходил навстречу гостю. – Вот вам план, мой друг, возьмите, пожалуйста.

С этими словами он протянул инженеру серо-коричневый от времени свиток старой, когда-то хорошо выделанной телячьей кожи, перевязанный ленточкой. Филипович с поклоном поцеловал руку генерала и, передав ему письмо крестного, получил чертежный план.

- Самолично сними с чертежа копию и верни план мне. Кроме тебя никто из смертных не должен видеть сей план, понимаешь, сыне? – Инженер молча кивнул головой. - Похоже, что мы обменялись верительными грамотами, мой милый сыне, – с улыбкой произнес Томашевич.

- Более чем, – ответил поручик. – Рассказы пана Бронислава о вас, о вашей дружбе и приключениях трех друзей...

- Самых верных, надежных и любимых друзей... - вставил иезуит.

- Да-да, именно так, отец мой! Его рассказы словно сняли пелену с моих глаз. Для меня больше нет сомнений – кому, как и для чего служить! Служить делу возрождения Великого Княжества Литовского всеми силами – вот достойное дело для каждого шляхтича Литвы. Только как?! Сбросить русский мундир? Идти к Наполеону, в полки Домбровского? А князь Паскевич, а Чарторыйский – они ж с императором Александром! Научите, отец! Что же делать, где правильный путь?

- Я рад слышать твои речи, сыне. И сразу поспешу тебя успокоить и предостеречь от крайностей и поспешных решений. Прежде всего – до поры не предпринимать ничего. Служи исправно и старательно, как служил до сего дня. Нам, прежде чем

открыто выступить, необходимо собрать силы. Такие силы, чтобы удар стал сразу победным. Молодежь наша патриотична и не боится горячей схватки. Но скажу тебе, друг мой, что каждая война всегда ведется на двух фронтах. Первый и всеми наблюдаемый – это фронт боестолкновений, сражений, пушечной стрельбы и кавалерийских атак. И второй фронт – это борьба денег, связей, союзников и борьба тылов.

Деньги, например, требуются не только для покупки оружия, пороха, лошадей и продовольствия, но деньги наносят сильнейший удар по недругу, когда мы покупаем себе союзников. Когда мы за деньги черним своего противника, вызывая к нему отвращение у всех людей Европы. И еще – когда мы за деньги подкупаем генералов его, министров и молодежь противника, засыпая ее подарками и убеждая молодых людей чужого народа, что служить в своей армии – стыдно, неблагородно и даже преступно. Вот тогда-то при слагаемых успеха на обоих фронтах желаемая победа становится реальной.

- Но, отец мой! Можно подкупить министра, генерала. Нельзя подкупить народ!

- Можно, друг мой. Если обманывать с пользой для своего дела, то можно и нужно. Деньгами легче всего народ обмануть. Его, глупый народ, можно убедить, что армия его плоха. Преступна. Что служить в ней нельзя. Что правильнее, цивилизованнее – не служить, не воевать, потому что люди – братья.

- Но весь мир знает слова Наполеона, что если народ не хочет кормить свою армию, то он будет кормить армию чужую!

- Именно! Наполеон – великий человек, хотя кончит плохо. Враждебному нам народу не стоит напоминать о словах Наполеона. Ему все время необходимо внушать, что его армия

плоха и вообще она не нужна. Что современный мир – мир гуманизма и прогрессивным странам в современном мире вполне можно жить без армии. А деньги тратить на что-нибудь иное. На прогресс и развлечения, например.

- Но чтоб это внушение сработало, потребуется очень много денег и времени! – потрясенный неожиданным поворотом разговора, воскликнул Филипович.

- И то и другое в определенной степени у нас есть, - спокойно улыбаясь и глядя на взволнованное лицо молодого человека, произнес генерал иезуитов Великого Княжества Литовского, которого давно уже не существовало, как государственного образования.

- Грядущие войны, вернее, их результат, покажут нам примерные временные рамки возможной реставрации нашего государства. Война, а может и не одна - не за горами, так что через два-три года, а может, лет через пять кое-что сильно изменится на политической карте Европы. А деньги... Они в определенной степени тоже имеются. Для ведения войны на двух фронтах, о которых я говорил, пока еще маловато, но для достойного вооружения легионов литвинской молодежи – есть. И деньги эти здесь, рядом, можно сказать, что они у вас под ногами, господин инженер-поручик.

- Деньги!? Какие деньги? Откуда?

- Деньги, собираемые иезуитами Великого Княжества Литовского для возрождения Отечества. Собираемые десятилетиями – они здесь! И ты их увидишь, – спокойно и строго сказал генерал.- План, который я тебе сейчас передал, дорогой Евгениуш, правильный во всех отношениях: на нем точно зафиксированы все постройки костела и резиденции иезуитов. А также иезуитской школы. Обозначены на нем хозяйственные

постройки, подвальные хранилища и даже подземный ход с тайными камерами для содержания в них преступников или наказанных. Все, что первоначально было задумано возвести здесь еще в конце шестнадцатого -- начала семнадцатого веков. Но в ходе строительства отцам-иезуитам стало ясно, что план требует усовершенствования. Достаточно частые угрозы казаков, самостийной шляхты, я уже не говорю о московских полках, небрезгующих не только добычей из жидовских шинков и кубышек, но готовых последний злотый, предназначенный для укрепления католицизма, урвать, вырвать с кровью отцов-иезуитов. Вот тогда-то был составлен другой тайный план строительства подземных схронов, лабиринтов и убежищ. Сейчас ты увидишь воочию первые подземные тайны и то, что в них хранится. Идем.

5. КРАДЕНАЯ ТУШЕНКА (Бобруйск 1962 год)

- Знаешь, Валерка, все взрослые – одни дураки, – сказал Мишка своему другу и соседу Валерке Добровольскому.

- С чего ты это взял? – удивленно глянул на него Валерка и весело засмеялся. Мальчишки валялись на траве в укромном местечке на одном из валов Бобруйской Крепости. Их отправили собирать щавель для супчика. Щавеля они давно насобирали, но идти домой не спешили. А чего туда торопиться? Там для них опять найдется какое-нибудь задание, а здесь – воля вольная... Мобильных телефонов, чтобы командовать детьми на расстоянии, взрослые, к счастью, в те времена еще не изобрели, и ребята чувствовали себя практически в абсолютной свободе.

- Да ты сам посмотри, - принялся пояснять другу свою мысль Мишка. – Они же всегда на работе. Никуда не ходят, нигде не гуляют. А разговаривают они о чем? Тоже о работе. У них в

голове только работа и работа. Всю жизнь мучаются этой работой, да еще и нас мучают.

- Это как же тебя мучают? Ремнем по заднице, что ли лупят? – криво ухмыляясь, не без ехидства спросил Валерка. Хотя, ему ли иронизировать над другом. Сам получал ремня раза в два-три чаще Мишки.

- Нам годами приходится в школу ходить, - что за жизнь? Мучение, да и только, - повторил Мишка слова, нередко слышанные от мамы, приходившей усталой с работы. – Даже в детстве некогда настоящей жизнью пожить! - И после паузы добавил: - По-человечески.

Валерка аж привстал от неожиданного заявления друга, с которым он, впрочем, был солидарен на тысячу процентов.

- А как же быть? – с искренней растерянностью спросил он, словно только сейчас, прозрев, понял оскорбительно скрываемую от них, ни в чем не повинных детей, правду жизни. – Только не походи в школу – так получишь, что не зарадуешься...

- Это точно, – согласился Мишка. – И зачем в школе без конца учиться, целых десять лет? Читать, писать научился, арифметику знаю. Что им еще надо от меня? Каждый день хожу в магазин – молоко покупаю по 22 копейки за бутылку. Четыре пустых бутылки отдаешь, доплачиваешь 44 копейки, получаешь четыре бутылки с молоком. Хлеб черный – по 14 копеек. Эскимо – по одиннадцать. стакан газировки с сиропом – 3 копейки. Что я, в деньгах не разбираюсь, что ли?

- Ну, это когда копейки. А если много денег – если сто тысяч рублей! Или миллион рублей! А? – от азарта у Валерки округлились глаза, словно он воочию увидел тот миллион.

- Ну, ты сказал! Миллион! Таких и денег ни у кого в Советском Союзе нет. Хотя бы сто тысяч найти – вот было бы

здорово! А тут, когда родители все до копейки посчитали, что даже на газировку без сиропа за копейку не остается, - попробуй, выкрутись. Я вот на прошлой неделе 15 копеек нашел возле Белой церкви. Здорово, да!

- На что потратил?

- В свой тайник положил. Копить буду, пока рубль не соберется.

- А тогда?

- Не знаю. Может быть, до трех буду собирать.

- Не соберешь. Не выдержишь,- и Валерка начал перечислять существующие жизненные искушения. – Мороженое купить, лимонада, из «воздушки» в тире пострелять, на колесе обзора покататься...в киношку сбегать...

- До трех рублей выдержу,- вздохнул Мишка. - Вообще-то мне надо десять. Но до десяти могу не выдержать....

- А зачем тебе столько сразу – десять рублей?

- Ты никому не скажешь?

- Честное пионерское!

- Я бы поехал к бабушке на Украину, клад искать.

- Вот здорово! Возьми меня с собой. Я тоже стану деньги собирать.

- Собирай. Только в этом году уже не успеть до конца лета. Разве что на будущий год.

- А ты точно знаешь, что там есть клад?

- Еще бы! Бабушка рассказывала, что теперешние колхозные поля до революции принадлежали помещику, сахарозаводчику Терещенко. Сам-то он в Киеве жил, а летом приезжал в ту деревню, где живет моя бабушка. Она еще тогда маленькая была. Рассказывала, помещик на машине приезжал и горстями бросал в

разные стороны серебряные деньги и конфеты. А люди чуть не под колеса кидались за его подачкой.

- И я бы кинулся, – с завистью произнес Валерка. – Вот буржуй проклятый. А как та деревня называется?

- Где бабушка? Село Закутенцы.

- Ты думаешь, он там клад зарыл?

- А где же еще? Не в Киеве же ему зарывать – там же народу полным-полно... Даже побольше, чем у нас в Бобруйске. И все за таким богатеем следят.

- А ты и в Киеве был?

- Пока нет. Папа мне рассказывал.

- А разве те, деревенские пацаны, не искали клад помещика?

- Конечно, искали. Да только не там, где надо. Еще мой папа искал со своими друзьями, когда пацаном был.

- Это ж когда было? Еще до войны с фашистами? – присвистнул Валерка. – Да там уже сто раз все вырыли, если что и было.

Мишка задумчиво покачал головой.

- Нет, не вырыли. Папа говорит, что клада так и не нашли. Потому что никто в деревне не разбогател.

- Значит, его и не было!

- А куда же, по-твоему, Терещенко дел все свои деньги после революции?

- А сколько у него их было?

- Не меньше миллиона! Золотыми рублями! Представляешь?

Валерка снова обалдело округлил глаза и присвистнул.

- Вот это да! – воскликнул он, хлопая ресницами и качая головой. - Наверное, в мешках увез за границу. Или в сундуках. Золото лучше в сундуках перевозить.

- Конечно, лучше. А ещё в просмоленных бочонках можно, я читал.

- Почему в просмоленных?

- просмоленные бочонки можно закапывать в землю, они не гниют. Каждое лето помещик жил в Закутенцах, он же должен был что-то спрятать там на черный день? Я бы спрятал. А он что – дурнее? Каждый бы на его месте сделал свой тайник. У всех людей бывают тайники. У нас дома и то всегда отложено на черный день рублей десять или тридцать -- в шкафу под бельем. А то – сахарозаводчик! Бабушка говорила, он вообще настоящий миллионер был.

- Богаче царя?

- Почти!

- Вот буржуй проклятый! – снова возмутился Валерка. – Если миллионер, то тогда точно должен был клад оставить. Ведь нельзя же все деньги с собой упереть, обязательно что-то припрятал.

- Вот и я так думаю.

Мальчики помолчали.

- Представляешь, как было бы здорово – не ходить в школу, а искать клады, – продолжил тему Мишка.

- Еще бы! Знать бы только, где они лежат.

- Да это можно определить методом индукции. Есть такой способ расследования преступлений по методу английского сыщика Шерлока Холмса. Это значит, например, что моряк, если он будет прятать клад, то выберет для сохранения клада, скорее всего, необитаемый остров. Или какое-нибудь дальнее побережье. А шахтер спрятал бы клад где-нибудь в старой заброшенной штольне.

- Ага. Тогда получается, что ассенизаторы, которые на машине-говнососке ездят по городу и откачивают говно из

наших уборных, -- они бы спрятали клад на дне выгребной ямы в уборной?! – и Валерка залился безудержно-издевательским, заразительным хохотом, катаясь при этом по траве. Мишка, как ни пытался сдерживаться и даже обидеться, тоже засмеялся.

- Ну, тебя, дурака, – отсмеявшись, сказал Мишка. – Я же для примера... Помещик должен прятать клад в своем поместье – зарыть в парке, где-нибудь возле дома или в тайнике подвала спрятать. А может быть, и на кладбище. Вот там и надо искать. Только миноискатель нужен.

- Для чего?

- Миноискатель на золото реагирует.

- Точно! И на серебро. Тогда сразу можно определить, в каком месте клад зарыт. А ты, Мишка, хоть раз в жизни находил кладу?

Михаил помолчал, думая, стоит ли рассказывать о находке в пустой комнате.

-Чего молчишь? – заподозрив, что друг что-то скрывает, сердито спросил Валерка.

- Знаешь, Валерка, это, что я нашел и не клад, но клад. Мой секрет, тайна...

- Да ты что?..- глаза Валерки снова округлились, а лицо вытянулось. – Что же это?

- Дай честное пионерское, что никому не расскажешь, – заговорщицки произнес Мишка.

-Честное пионерское! Чтоб мне сдохнуть в уборной!- С чувством произнес Валерка. Такая клятва не подвергалась сомнениям.

- Когда мы приехали в Крепость, я нашел в нашей пустой еще квартире старинную шпагу. Ей лет сто пятьдесят, а то и двести.

Глаза Валерки расширились еще больше.

- Как она там взялась?

- Не знаю. Загадка! Она была спрятана между стенкой и печкой. Там узкое пространство, рука взрослого не пролезет.

- А ты как нашел?

- Я как зашел, сразу стал смотреть, где можно что-нибудь спрятать. Мы в Киселях с пацанами тоже везде клады искали. Вот я и подумал, что здесь может быть клад. Просунул руку за печь, а там - она. У меня сердце чуть не разорвалось от радости.

- А нам ничего не сказал...- укорил Валерка.

- Папа сказал не болтать.

- Придем домой, покажешь?

- Покажу... Тихо. Ложись, – шепотом, пригибая при этом голову друга в траву, сказал Мишка. – Гляди вон, дядька какой-то, что у него в мешке – вишь, он словно опасается, чтоб его не увидели.

Ребята замерли, внимательно глядя за старшиной-сверхсрочником, осторожно пробиравшимся еле заметной в траве тропинкой, протоптанной по дну рва. Из-под козырька его фуражки выбивался лихой завиток. За спиной старшины тяжело отвисал плотно нагруженный вещмешок.

Дядька широко шагал, глядя себе под ноги, но при этом как-то быстро, незаметно, но не часто бросал взгляды вперед себя. Явно не хотел, чтоб кто-то увидел его раньше, чем мог увидеть он любого идущего по дороге. Но вот тропинка поднялась возле бастиона к дороге, и старшина еще метров за десять-пятнадцать, сбросив вещмешок с плеча, понес его в правой руке, держа за лямки. В таком положении тяжелый вещмешок нести было неудобно, зато можно было сразу опустить его в траву или на тропку за собой. Шагнув на асфальтовый тротуар, уложенный рядом с дорогой, старшина посмотрел по сторонам, как делают

перед переходом дороги, после чего опять вернулся на тропинку и, спустившись ниже к бастиону, оказался таким образом перед железобетонной трубой, проложенной для стока воды под дорогой. Согнувшись, старшина так ловко затолкал свой вещмешок в трубу, что его не только с дороги, но и со стороны рва не было видно. Затем старшина привычным движением одернул гимнастерку, разгладил морщины под ремнем и как ни в чем не бывало бодро зашагал на выход из Крепости – в сторону КПП. Мальчишки удивленно переглянулись. С усилием оставаясь на месте несколько минут – за это время по дороге проехало пару машин – они поспешили к трубе под дорогой. Ощупали мешок.

- Там банки, – сказал Валерка. – Консервы или гранаты. Украл, наверное, со склада. Давай вытащим его в ров.

- Увидят и попадет.

- Пока будем в трубе возиться, с тротуара могут услышать.

- А давай его утащим в заброшенный бастион. Там взрослых не бывает.

- Хорошо бы. Но идти далеко, да и по дороге – увидят, что скажем?

- Да кто спрашивать будет?

- Любой спросит. Груз тяжелый – не щавель.

- Скажем, что купили консервы в военторге, – неожиданно для самого себя предложил Мишка. – Правдоподобная ложь – самый популярный товар в общении между людьми.

Валерка посмотрел на Мишку широко раскрытыми восхищенными глазами.

Через две минуты мальчики шли по дороге, держа тяжелый мешок за ляжки. Мимо проехало несколько машин – некоторые с командирами, другие – с солдатами. Повстречались группы офицеров, возвращавшихся со службы домой. Офицеры оживленно

и весело переговаривались друг с другом и совершенно не обращали на мальчишек внимания: офицерские дети и жены постоянно наведывались в продовольственный магазин военторга, расположенный в Крепости. Лишь один лейтенант шутливо, даже не сбавляя шага, что б не отстать от компании, сказал на ходу.

- Что тащите, пацаны?

- Гранаты, рыбу глушить! – нахально ответил Валерка, и в офицерской компании засмеялись, оценив шутку.

Заброшенный бастион находился почти на противоположной от жилого городка стороне Крепости, недалеко от обрывистого берега реки. Был он не очень велик, с башнями. С одной стороны его опоясывал глубокий ров, очень неудобный для подъезда, а с другой, к реке – обрывистый берег. И заброшенным он стал, во-первых, по причине именно своей удаленности, а главное, просто не находилось чего-нибудь такого, что бы далеко возить и там складывать. Вот он и пустовал. Только мальчишки иногда наведывались в тот бастион – поиграть в войнушку.

Здесь, в стороне от чужих глаз, мальчишки развязали мешок. Большие килограммовые металлические банки с надписью по-английски, с изображением упитанных хрюшек.

- Да, консервы. Тушенка, – разочарованно произнес Мишка.- «Мэйд ин ЮЭСЭй». Американские.

- Откуда они здесь? Что делать будем?

- Был бы нож, можно было бы по банке прямо здесь съесть. Но откуда американские консервы? Неужели с войны?

- Отнесем домой? Вот здорово будет.

- Можно. Только родители скажут: где взяли? Ворованное, то да се, кипишь начнется.

- Да. А может, к нам в сарай? В походы с пацанами ходить станем, пригодится.

Помолчали.

- Вот мы нашли по сути дела клад. Маленький. Хоть не золотые червонцы, а мясные консервы. А вот что с этим кладом делать и не знаем, – констатировал факт Валерка.

Ребята помолчали.

- А давай все отдадим солдатам. Всю тушенку отдадим. – Сказал Мишка. – Солдатом тяжело быть. Мне папа рассказывал, как было голодно в войну.

- Так то война была.

- И после войны не лучше кормили.

- А действительно. Давай отдадим, – согласился Валерка. – Только надо это сделать сейчас. Найти какого-нибудь солдата и -- пусть все забирает.

Мальчишки выглянули из бастиона. В отдалении, на строевом плацу, полурота солдат занималась строевой подготовкой. В парке техники еще раздавались команды, и было слышно гудение машин. По дороге под командой сержанта промаршировал взвод солдат. Но нужен кто-то один. Ну, или человека два-три, так проще разговаривать, легче объяснить, откуда взялся мешок с консервами. Но со строевого плаца и из парка техники солдаты возвращались только строем и с песнями. Подходить к марширующему с песней строю солдат и пытаться его остановить – дело бессмысленное, глупое.

Ребята просидели в бастионе больше часа, выглядывая в бойницы, а никто из солдат поодиночке не шел. И когда ребята уже почти отчаялись и подумывали, где бы тут понадежнее припрятать мешок до завтра, со стороны солдатской столовой показался одинокий боец. Когда он подошел поближе, ребята разглядели, что за спиной, на левом плече, он несет вещмешок, а в правой держит закрытый котелок. Торопясь, чтоб солдат не

прошел мимо бастиона, мальчишки с ловкостью ящериц вскарабкались изо рва наверх.

- Дяденька солдат, а дяденька солдат! Подождите, пожалуйста!
– в два голоса закричали мальчишки.

Солдат тотчас остановился, оглянулся, с ироничным прищуром, вопросительно глядя на ребят.

- Что за тревога, пацаны? – слегка улыбаясь, спросил он.

- Дяденька, вы кушать хотите? – брякнул Мишка, осознавая при этом глупость вопроса.

- Да нет, спасибо. Только что пообедал, – широко улыбаясь, ответил солдат. – Вот и товарищу несю горячий борщ с кашей. – Он кивнул на котелок. – А что это вы, ребята, как будто чем обеспокоены? – ироничная улыбка не сходила с его лица.

- Дяденька, мы нашли вещмешок тушенки, – доложил почти по-военному Валерка.

Солдат чуток помолчал, уже глядя на ребят серьезно.

- И где же ваша находка?

- Здесь, в бастионе. Полный вещмешок с банками. Тяжелый такой.

- Ну, пошли, посмотрим на вашу тушенку, – сказал солдат и шагнул к краю рва. Мальчишки поскакали вниз впереди его.

Подойдя к мешку, солдат, прежде чем дотронуться до него, внимательно осмотрелся. Бастион как бастион, заброшенный, местами поврежденный, с заваленными ходами, кучками битого кирпича, давними следами кострищ, жидкой порослью бледно-зеленой травы, запахом сырости. Не обнаружив ничего подозрительного, солдат нагнулся и взял из мешка одну банку.

- Да, действительно, мясная тушенка! – удивленно воскликнул он. – Американская. Где же вы все это нашли, ребята?

Солдат с интересом и доверием глянул на мальчиков. Те переглянулись, и Валерка рассказал историю находки.

- Значит, решили все отдать солдатам?! – боец широко улыбнулся. – Благородное решение, ребята. Молодцы! Но, может быть, эти продуктыгодились бы вам и дома?

- Нет, что вы! – в один голос воскликнули мальчишки. – У нас всего хватает, берите себе!

Солдат глянул на их торбочки со щавелем, усмехнулся и без лишних слов завязал мешок с консервами. Затем ловко вскинул его себе на правое плечо – первый, пустоватый мешочек из-за груза тушенки стал незаметен.

- Вот что, ребята, – сказал он, – под вечер приходите на солдатский пляж. Мы там дежуриим. Вахта – семь суток. Так что приходите, на лодке вас покатаю. И спасибо за подарок, за заботу. Хорошие вы хлопцы, ждем вас.

Затем он ловко поднялся из бастионного рва и четким шагом пошел дорогой к верхним воротам выезда из городка. Там, за верхними воротами, сразу направо пролегало шоссе на автомобильный мост через реку Березину. А внизу, по правую сторону моста, и располагался солдатский пляж, на котором все лето круглосуточно дежурил парный солдатский наряд. Мальчишки любили туда бегать искупаться в реке, но строгий наряд редко разрешал находиться там посторонним.

Мишка и Валерка переглянулись: какая удача! Теперь они всю неделю будут загорать на солдатском пляже и кататься на лодке!

Но их планам именно на этот вечер не суждено было сбыться.

Дома они никого из взрослых не обнаружили и, очень довольные этим обстоятельством, сразу отправились гулять во двор, в надежде поиграть в пекаря, в футбол, в выбивалы, в ножички, - да мало ли во что можно летом играть свободным от

школьной обузы и родительского контроля мальчишкам! Валерка и Мишка обошли вокруг дом Вадима Дядичко, вокруг дома Валерки Лунева и Лариски Васькиной, Витьки Борисова – никого. В недоумении мальчики двинулись к сараям: может там кто из пацанов? И едва они зашли за дощатую общественную уборную, как из-за угла сараев, выстроенных одним рядом на две противоположные стороны, на них разом накинута какие-то ряженые. Все они в белых балахонах с крестами, вместо голов --- блестящие жестью и цинком железные колпаки с прорезями для глаз. В руках их были большие, хорошо выструганные мечи, копья, щиты с крестами. Издавая злобные, громкие вопли, они скрутили и связали Мишке и Валерке веревкой руки за спиной и за шею привязали одного к другому.

Мальчишки не очень-то и сопротивлялись и даже немного посмеивались, принимая происходящее за дружескую игру. Затем эти, в крестах, пинками, тычками своих деревянных копий и мечей погнались «пленных», как они теперь называли связанных ребят, за 15-й корпус – самый большой жилой дом в Крепости. За 15-м корпусом располагались сараи его жильцов. Когда прошли через лабиринт сараев и сараюшечек, Валерке и Мишке стало ясно, почему никого из друзей не было во дворе – все они связанными находились здесь, в плену у «крестоносцев», как называли себя захватившие их мальчишки.

При виде Мишки и Валерки Лариска Васькина стала ругаться в адрес захватчиков, грозя им всеми карами как небесными, так и преисподней. «Крестоносцы», тем временем стали разоблачаться из своих рыцарских доспехов, не особенно обращая внимания на Ларискину ругань. И если пока они были в белых балахонах с крестами и обращались друг к другу не иначе, как «граф», «магистр», «барон», «рыцарь», то сняв с себя белое тряпье с

красными и черными крестами, уже обращались друг к другу по именам собственным – «Петька», «Сережка», «Ванек» и так далее.

Мишку и Валерку – особенно смешливого Валерку – очень развеселило, что жестяными головными уборами «рыцарей» из 15-го корпуса служили трехлитровые банки из-под томатной пасты.

Валерка так издевательски хохотал над «рыцарями» в банках от томатов, он так над ними потешался, обзывая «рыцарей» «бычками в томате», «помидорными червями», бутербродами в томате, предрекая им томатный понос, чем довел бывших «рыцарей» до рукоприкладства. Магистр рыцарей, а им оказался длинный Михедов, молча подошел и ударил связанного Валерку под дых, затем по лицу, потом в нос. У Валерки полилась кровь.

- Ах ты, гад! – заорала привязанная к столбу Лариска Васькина. – Связанного бить! Сволочь! Я тебя убью! Развяжи нас!

- Пацаны, бей этих привязанных! – в ответ истерично завопил Михед, и некоторые его «рыцари» вдруг действительно стали бить беззащитных, связанных ребят из соседнего двора. Такого позорного факта историческая вражда между дворами 22-го и 15-го корпусов прежде не знала. Каждый из связанных получил по несколько ударов в живот и по лицу. И только после того, как кто-то из мальчишек 15-го корпуса стал яростно ругаться на Михеда, называя его придурком, фашистом, подлецом и грозя ему самому разбить «всю морду как брюкву», избивание прекратилось, и ребят стали по одному развязывать.

Первой развязали Лариску Васькину. Как только освободили её руки, она, схватив стоявшую рядом с сараем, штыковую лопату и с такой яростью огрела по спине Михеда, что тот жутко взвывая, упал ничком, уткнувшись носом в землю, и заплакал как ребенок.

Этим вечером Мишка и Валерка не пошли на солдатский пляж, а всей компанией возле 22-го корпуса обсуждали, как отомстить

подлому Михеду и его приближенной шпане. Кто-то предложил подкараулить Михеда возле общественной уборной и столкнуть его в выгребную яму, пусть там побарахтается, а потом вытащить дурака на веревке. Все криво поухмылялись, но энтузиазма предложение ни у кого не вызвало. Так ни с чем и разошлись по домам раньше обычного.

А на следующий день все узнали, что Михеда и его друга Соловья забрали в милицию, и это произошло уже не в первый раз – за кражу постельного белья. Оказывается, Михед, не любивший в общем-то читать книг, под чьим-то влиянием все-таки прочел роман Синкевича «Крестоносцы» и загорелся идеей создать крестоносное войско, а самому стать магистром ордена крестоносцев. Для облачения крестоносцев в белые одежды, они с Соловьем стащили сушившиеся по дворам простыни.

Мишка и Валерка уже на следующий день после происшествия у 15-го корпуса с самого утра побежали на солдатский пляж.

- А что ж вчера не приходили, кормильцы вы наши? – улыбался навстречу юным гостям уже знакомый ребятам солдат. – Давайте хоть познакомимся с вами, неизвестные, скромные пионеры-герои. Меня зовут Михаил Шелестюкович. А вот мой товарищ Аквердиев Яхъя Джаби - оглы. А по-простому Яша.

Оба солдата в плавках лежали на песочке возле палатки, загорая, принимая воздушные ванны в свое удовольствие. Увидев ребят, они поднялись и пошли им навстречу. И первыми протянули мальчикам руки для рукопожатия. Мишка и Валерка несколько подрастерялись. Трудно было им припомнить, чтобы кто-то из взрослых людей здоровался с ними за руку, как со взрослыми. А тут с ними здоровались солдаты, такие крепкие, мускулистые, широкоплечие дяди. Ребята протянули свои ладошки, и солдаты в меру крепко, по-дружески пожали им руки.

- Прошу к нашему шалашу, юные следопыты, – сказал Шелестюкович. – Мы вас сейчас покормим горячим, наваристым супчиком – он уже почти готов - из вашей же тушенки, свежей бульбы, молодой капусты и домашними помидорчиками с местного огорода. У нас тут рядом, на Береговой улице, есть хорошие друзья. А вы расскажите Яше, пока супчик дойдет, как все произошло. Где, как вы мешок нашли, ну и все такое.

Ребята не отказывались, ели с аппетитом и, давясь смехом, вспоминали, как следили за старшиной. Шелестюкович принес и открывал две банки консервов, добавив к ним перья зеленого лука, солдатского хлеба и дюжину помидоров. Аквердиев оказался очень веселым и смешливым человеком. Он громко и заразительно смеялся, откидываясь на спину и валяясь по песку, требуя раз за разом повторить эпизод, как вороватый старшина прятал мешок, и как мальчики сказали офицерам, что идут рыбу глушить гранатами.

- Ах, старшина! Ах, что за старшина! Увидеть бы мне того старшину! – приговаривал он между приступами неудержимого смеха.

Потом ребята по просьбе Мишки немного рассказали о себе. Они саперы, у обоих этой осенью оканчивается служба, и Шелестюкович поедет домой в Витебскую область, а Аквердиев – в родной Азербайджан.

- А у нас папы тоже были солдатами во время Великой Отечественной. Теперь они служат офицерами, – сказал Валерка.

- Хорошие люди, ваши отцы, раз у них растут такие толковые сыновья. Правду я говорю, Яша?

- Конечно, – широко улыбаясь, ответил на этот раз серьезно Яхья Джаби оглы. – Солдатами на войне были – это герои.

И Мишка с Валеркой почувствовали, как приятно стало у них на сердце.

А потом они купались в чистых, стремительных водах Березины, валялись на теплом золотистом песке пляжа и катались на лодке. Михаил Шелестюкович сначала сам показывал ребятам, как надо работать на веслах, а потом места гребцов заняли Мишка и Валерка, а солдат, сидя на корме, подбадривал их и хвалил за то, что у старательных ребят хорошо получается работать веслами. Так мальчишки счастливо провели день на Березине.

6. ПОДЗЕМЕЛЬЕ (Бобруйск 1810 год)

...Старый иезуит вышел из библиотеки, прошел по портретной галерее. Перед портретом Стефана Батория свернул в дверь налево. Филипович, не отставая, шел за ним. Они спустились достаточно глубоко по крутым ступеням и оказались в маленькой комнатке без окон, освещенной лишь лампой в стеклянном колпаке, стоявшей на подставке посередине комнаты. Поручику показалось такое расположение подставки с лампой весьма неудобным: и так здесь тесно, а тут еще и помеха. И вообще эта тесная комната чем-то напоминала ему исповедальню: по стенам ее находились такие же густые плетенные из стальной проволоки сетки-решетки. Генерал потянул за кисть витого шнура, висевшего возле портьеры, обрамляющей следующую дверь – она тотчас отворилась, и они, снова поднявшись по крутым ступеням и пройдя несколько дверей, вошли в просторную залу, наполненную удивительными вещами. Монах-иезуит встретил их поклоном. Генерал сказал ему что-то по латыни. Тот молча ушел, а инженер-поручик, остановившись, с интересом принялся осматриваться.

- Сие музей иезуитской резиденции и школы иезуитов, который служит на пользу образования и просвещения молодежи Великого Княжества Литовского, – пояснил генерал Томашевич. – Более ста лет отцы иезуиты собирали для него удивительные экспонаты. Наши мастера-иезуиты увлекаются механикой, физикой, изготовлением механизмов, изучением загадочных явлений материального происхождения. Знания по химии и по физике, естествознанию и металлургии, медицины и географии, а также в других сферах человеческой деятельности приобретают наши воспитанники. Тебе как инженеру должно быть интересно – осмотри наш музей.

И поручик медленно двинулся вдоль рядов экспонатов музея. В банках со спиртом он видел уродцев людей и зверей. Здесь же были чучела наиболее интересных представителей животного мира и птиц. Отдельно были представлены образцы почв, находящихся в окрестностях Бобруйска, с точным указанием мест, где бралась проба.

Здесь же располагались коллекции разных редкоземельных металлов, драгоценных и редких камней, сибирских минералов, а также особое собрание почв, камней и окаменевших веществ, собранных в окрестностях Бобруйска.

Но более всего поручика привлекли разные электрические машины, а также физические, механические, оптические, астрономические аппараты. Такого собрания инженер-поручик прежде не видывал. Здесь находилась модель машины, предназначенной для поднятия человека собственной его силою на большую высоту. В чертежах и макете представлялся механизм для забивания в землю свай. Рядом стояла машина, вернее, её модель, служащая для поднятия больших тяжестей.

С интересом инженер осмотрел макет трехэтажного дома, выстроенного в форме пирамиды. Здесь же, в музее, располагалась действующая химическая лаборатория иезуитов с самым совершенным по своему времени оборудованием. Кроме стеклянных сосудов и металлических орудий она располагала печами для расплавления и очищения материалов, вплоть до литья золота.

Жадный к знаниям инженерного характера, любивший механику и стремящийся узнавать все новое в деле изобретательства, поручик не мог отойти от представленных в музее экспонатов. Генерал с теплой улыбкой наблюдал за ним. Любознательность молодого человека радовала старика.

Вернулся монах, передал генералу ордена связку ключей сложной конфигурации и два светильника. Генерал Томашевич позвал офицера:

- Идем, сыне. У тебя еще будет достаточно времени, чтобы не только осмотреть все экспонаты нашего музея, но и узнать, как устроены выставленные здесь механизмы и понять принцип их работы. Ты также будешь иметь возможность участвовать с нашими механиками в создании новых моделей машин, ими изобретаемых. Химическая лаборатория и плавильные печи также будут к твоим услугам. Здесь ты узнаешь много интересного, полезного, удивительного, Евгениуш. А теперь пора, идем со мной. Возьми эти светильники.

И они вдвоем вышли через дверь, в которую входили.

- Подними лампу, – сказал старый иезуит офицеру, когда они по крутой лестнице начали спускаться.

Тогда поручик обратил внимание на подставку для лампы. Она представляла собой кованый цветок лилии на не высоком, не больше метра, стебле. Лампа ставилась как раз в сердцевину

полураскрытого металлического бутона цветка. Офицер осторожно извлек лампу из кованого бутона. Генерал тотчас просунул в бутон руку со специальным ключом и, что-то нащупав в сердцевине, принялся откручивать. Причем откручивал он не влево, как это бывает обычно, когда откручиваешь какой-нибудь болт, а вправо, то есть движением, которым резьбу обычно закручивают.

Открутив, он извлек из кованого бутона какую-то металлическую деталь сердцевины цветка и передал ее офицеру. Руки поручика были заняты лампой и светильниками, забывший об этом иезуит улыбнулся и, сбоку задрав сутану, сунул железку в карман своих брюк. Затем, выбрав один из ключей, только что полученных от монаха, вставил его в отверстие открученной детали внутри бутона и несколько раз повернул его уже по обычному направлению резьбы.

- Я открыл стопор опускателя, – сообщил он внимательно наблюдавшему за его действиями молодому офицеру. И, слегка возвысив голос, добавил: «Держатель открыт. Ставь лампу на ее место и держись за подставку».

Едва инженер успел взяться за кованый цветок, как пол под ним дрогнул и стал медленно, вращаясь, опускаться. Иезуит при этом с внимательным любопытством смотрел на сына своего друга. Тот удивленно глядел, что по мере их опускания, у них над головой сдвигаются стальные плиты пола. Когда же, погрузившись в шахту метров на двадцать, их лифт остановился, офицер выразительно покачал головой.

- Вот это да!.. – восхищенно протянул он. – Не ожидал. Никак не ожидал. Вот это механика. Хотел бы я поучиться у ваших мастеров, отец. Но как он поднимается?

- Большая часть механизмов приводится в движение силой течения реки. Все достаточно просто, сыне. Разве ты, инженер, не

знаком с устройством зубчатой передачи или устройством передаточных ремней? Вот с их помощью стремительная Березина делает нужную для нас работу. С подробностями устройства механизмов еще успеешь познакомиться. – Иезуит был чрезвычайно удовлетворен первой реакцией любознательного инженера на технические эффекты устроенных здесь машин.

– Главное впереди. Давай мне один светильник, идем. – И он с фонарем в одной руке и связкой ключей в другой осторожно, освещая себе путь, шагнул на ступеньку металлической лестницы. Через пять ступенек он стоял на каменной мостовой, сложенной из тщательно обтесанных и аккуратно подогнанных друг к другу крупных камней-булыжников. Сводчатые навесы потолка, выложенные из таких же камней, скрепленных известью, были сухи, на что обратил внимание инженер.

- Удивительно, здесь почти не чувствуешь сырости, – заметил поручик.

- Так устроена вентиляция, – ответил иезуит. – Сюда периодически поступает свежий воздух.

- Закачивается какими-нибудь машинами? – спросил инженер.

- Вовсе нет! – улыбнулся иезуит. – Устраивается обыкновенный сквозняк. Причем, идею постоянного проветривания сквозняком нам подсказало само течение реки. Березина неширока, как ты знаешь, но имеет крутой сток. И вот именно перепад высот, уже достаточно заметный хотя бы на расстоянии одной версты, навел наших проектировщиков на его использование. Прежде всего, мы решили воздуховод, снабжающий речное подземелье кислородом, проложить вдоль течения реки. Для этого были проведены серьезные исследования не только почвы самого дна реки, но и прибрежных окрестностей. Если говорить коротко, была проложена труба, начало которой

выходит выше Бобруйска по течению с правого берега, а окончание уходит за форштадт и на другую, левую сторону Березины. Вытяжка воздуха отличнейшая. Причем оба выхода трубы надежно замаскированы строениями. Соответственно, имеется и два выхода из подземелья – на левый и на правый берег.

Но первоначально подземный ход задумывался до середины реки. И там, на середине Березины, на глубине в 5 метров под землей создавалось тайное хранилище иезуитской казны. Специальное инженерное сооружение позволяло действием одного рычага (в случае опасности проникновения посторонних !) затопить хранилище водами реки. В хранилище были выгорожены три камеры небольшого размера. Там в давние времена содержались узники, приговоренные судом ордена иезуитов к смерти и объявленные как уже казненные. Иных действительно потом казнили, некоторых же освобождали для выполнения специальных, тайных заданий ордена, которые не афишировались. То есть они служили орудием исполнения решений ордена Иисуса по отношению к врагам ордена.

Казна ордена собиралась, в том числе помимо пожертвований добрых католиков, иезуитскими принуждениями местного населения, независимо от исповедуемой религии, национальности, имущественного и социального положения. Раз в несколько лет казна вывозилась на Запад, в штаб-квартиру. Вход в хранилище под Березиной знали лишь 2 иезуита: старший и его заместитель. Генерал ордена Иезуитов рассказывал, а молодой офицер внимательно слушал, боясь пропустить слово из поразительно былинного повествования, при этом, успевая осматриваться по сторонам.

- Но в 18 веке, в канун раздела Речи Посполитой, - продолжал рассказ иезуитский генерал, - иезуиты прорыли под Березиной

отдельный ход на левый берег. Вот тогда там, на левом берегу, и построили дом призрения для больных проказой. Один тайный лаз ведет туда. Но им еще не пользовались ни разу.

- Лаз ведет в сам дом?- в нетерпении спросил молодой инженер. Старый иезуит тонко улыбнулся:

- Не ведаю, сыне. Ведь им же до сего дня никто не пользовался.- Офицер недоуменно глянул на иезуита, но сдержался и не задал следующего вопроса.

- Но есть человек на той стороне, которому станет известно в нужную минуту, как его открыть.

Иезуит немного помолчал. Они стояли при свете двух ламп, и желто-красный свет, окруженный плотной тьмой, слегка колыхался от легкого движения не холодного, а уже в определенной степени согретого в медной трубе воздуха. Границ подземелья в мрачной его тьме словно и не было...

Они медленно двигались в дрожащем свете живого огня, а иезуитский генерал неспешно рассказывал своему спутнику историю подземелья.

- Тайным хранилищем иезуитов нередко пользовались окрестные богатеи: польские и еврейские купцы, богатые паны. Это вовсе не значило, что кто-либо из них хоть раз побывал здесь. Нет. Просто за небольшой процент иезуиты принимали на хранение любые денежные суммы, драгоценности, предметы искусства, долговые обязательства. Человек сообщал в монастырь, что желает в надежном месте сохранить деньги или кое-что из драгоценных вещей. Это «кое-что» принималось с огромной гарантией. Горели панские маёнтки и гибли сами паны под саблями взбунтовавшихся казаков, разорялись, исчезали с лица земли роды и семьи, но заканчивались войны, усмирялись бунты, и нередко оказывалось, что находился какой-то наследник

переданного на хранение богатства. Человек предъявлял сохраненные грамоты иезуитского монастыря и получал сполна все ему причитавшееся.

Все солидные купцы Бобруйского еврейства в лихие годы спешили прибегнуть к сохраненным услугам иезуитского монастыря и были очень благодарны отцам-монахам за ответственное сбережение капитала и драгоценностей.

Во время одного особенно ужасного казацкого восстания монастырь был захвачен буйными рубаками и неумными пьяницами, ненавидевшими католических священников самой лютой на свете ненавистью. Всех напрочь вырезали они в монастыре, немногих сдавшихся из-за ран и неспособности казаки пытали неслыханными муками: вгоняли иголки в глазные яблоки монахов-католиков, сдирали кожу с их черепов, выламывали суставы пальцев, локтей, коленных суставов, плющили молотками половые органы, вырезали из живота человека кишку и вешали несчастного на своей же кишке.

А настоятеля монастыря раздели до гола и насильственно, жуткими муками заставили проглотить конец длинной, жирно пропитанной смальцем веревки, после чего пичкали его крутой кашей и вливали в горло мученика литрами касторку, с радостными воплями наблюдая, как веревка все глубже уходила в чрево монаха. В конце концов добились желаемого: конец веревки показался из заднего прохода старого человека. С диким хохотом казаки принялись поочередно тянуть то за один конец веревки, что показался из заднего прохода человека, то за другой, что торчал у него изо рта. Несчастный истекал кровью и слезами от боли и страдания, а от бессилия не мог кричать, лишь страдальчески стонал слабым, жалобным голосом. Заливаясь садистским хохотом, пьяные казаки привязали веревку за разные концы к двум

стоящим друг напротив друга деревьям примерно на высоте метра два и натянули ее, словно струну на бандуре.

Настоятель висел, нанизанный на веревке через кишечник, а жестокосердные пили вино, смеялись и норовили то с одной, то с другой стороны припечь мученику факелами то бок, то живот, то спину. Они истребили католических отцов-монахов, но так и не узнали тайну хранилища миллионов золотых и серебряных рублей, дублонов, злотых, цехинов, марок, франков, фунтов стерлингов... Перепившись, но ровным счетом ничего не узнав о хранилищах ордена, в ярости они уничтожили не успевших убежать как иудеев, так и православных чудного города Бобруйска и ушли ни с чем.

А монастырь возродился и продолжил предназначенное ему послушание. Вместе с тем никто из мирян не знал и другого о деятельности монастыря и его хранилище.

Нередко случалось и такое: оставлял какой-либо господин в монастыре на хранение неплохие деньги золотом, серебром, скрывая сей факт в тайне от родных и близких. Но вдруг случалось, что и он, и вся его семья внезапно погибали в одну ночь. То угорят люди, не вовремя закрыв заслонку в трубе, или съедят чего-нибудь несвежего, а то ложных грибков употребят -- и уже, несчастные, покинут этот мир преждевременно. А то вдруг всех находят с перерезанным горлом, да еще в сгоревшем доме. И деньги, драгоценности, сданные на хранение, оставались монастырю. Бывало и такое в истории финансового накопительства монастыря. Из песни слова не выкинешь.

Шли годы, в святая святых монастыря, в его тайном хранилище скопились неслыханные сокровища. С разделом Речи Посполитой монахи не прекратили свои финансовые операции, но законспирировались неслыханно. Перед ними была поставлена задача: сохранить все сокровища до самого возрождения Польши.

И когда над Березиной утвердится Белый орел, и когда Речь Посполитая расправит свои орлиные крылья от Кракова до Смоленска и от Гданьска до Одессы, то лишь тогда можно будет открыть это тайное хранилище, чтобы его содержимое осчастливило граждан Великого Княжества Литовского и пошло на пользу Великой Речи Посполитой.

- Так говорилось в тайном послании отцов - иезуитов века минувшего, и мы стараемся следовать их наказам, -- закончил свой рассказ иезуитский генерал.

РЭЦЭНЗІЯ

на рукапіс гістарычна-прыгодніцкага рамана «Тайна Бабруйскай крэпасці» *Саласюка Уладзіміра Вільгельмавіча*

Кніга «Тайна Бабруйскай крэпасці» трэцяя па ліку ў творчай біяграфіі Уладзіміра Саласюка. Сёлета яе аўтар прызнаны адным з лепшых празаікаў Гродзенскай вобласці і з гэтым раманам стаў пераможцам у намінацыі «Проза» абласнога літаратурнага конкурса рукапісаў імя Цёткі (Алаізы Пашкевіч), у якім удзельнічала са сваімі творамі звыш двух дзясяткаў пісьменнікаў з розных рэгіёнаў Гродзеншчыны ў трох намінацыях: «Проза», «Паэзія» і «Дзіцячая літаратура» (арганізатары: Саюз пісьменнікаў Беларусі і Галоўнае ўпраўленне ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Гродзенскага абласнога выканаўчага камітэта).

Пісьменніку ў гістарычна-прыгодніцкім рамане ўдалося стварыць тыповыя характары беларусаў, «схапіць» сэнсавазначныя дэталі рэчаіснасці пачатку XIX-га і 60-х гадоў XX-га стагоддзяў, паказаць краявіды Бабруйскай крэпасці і навакольнай мясцовасці, гістарычныя падзеі далёкага і блізкага мінулага. Аўтар выявіў уменне будаваць цікавы сюжэт, удала сумяшчаць дакументальныя факты з мастацкім вымыслам, перадаваць гістарычны каларыт

эпохі.

На бягучы перыяд у беларускай літаратуры надзённым з'яўляецца ўсебаковае асэнсаванне падзей мінулага, выяўленне ў мастацкай прозе мясцовай гістарычнай, этнаграфічнай і краязнаўчай спецыфікі ў ідэйна-філасофскім змесце твораў у агульным кантэксце нацыянальнай творчай спадчыны, як гэта рабілі класікі беларускай літаратуры (І.Мележ «Людзі на балоце», Я.Колас «На ростанях»). Раман «Тайна Бабруйскай крэпасці» У.В.Саласюка цалкам адпавядае патрабаванням да твораў такога тыпу і перадае мясцовы каларыт Бабруйшчыны, гістарычныя старонкі беларускай мінуўшчыны, своеасаблівую культурную прастору, якая адлюстроўвае шматвяковыя традыцыі. Твор вызначаецца карэктнасцю пры звароце да грамадска-гістарычных падзей, эстэтычнай вытрыманасцю вобразаў-персанажаў, мастацкіх характараў.

Гістарычна-прыгодніцкі раман «Тайна Бабруйскай крэпасці» Саласюка Уладзіміра Вільгельмавіча ўяўляе сабой высокамастацкі твор з вострай фабулай і багатым філасофскім зместам, які будзе цікавы шырокай чытацкай аўдыторыі. Высокая ступень мастацкасці забяспечваецца ўважлівымі адносінамі аўтара да фактычнага матэрыялу, паслядоўна вытрыманай метадалогіяй сумяшчэння дакументальнага і вымышленага.

Дадзены твор рэкамендуецца да апублікавання і распаўсюджання ва ўстановах бібліятэчнай сістэмы і вольным продажы.

Рэцэнзент кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Гродзенскага ўніверсітэта ім. Янкі Купалы

Руслан Казлоўскі

16 красавіка 2015 года

г. Гродна